

СОВРЕМЕННОСТЬ — душа литературы. Так озаглавил свои «Заметки писателя» Любомир Дмитерко («Правда» от 18 апреля).

Он рассказал о своем понимании задач советских писателей, вспомнил отдельные произведения и высказывания классиков русской и мировой литературы, призвал овладеть современной темой, разъяснил, что не следует бояться смелых гипербола или требовать от небольшого стихотворения полного решения той или иной темы. В свободном, непринужденном разговоре о самых разнообразных проблемах затронул он и чрезвычайно важную для современности проблему положительного героя.

К сожалению, Любомир Дмитерко, говоря о положительном герое и тут же о современности, о задачах советской литературы, смешивает различные планы своего повествования и тем очень затрудняет понимание всего того, о чем идет речь.

Ну как, например, понять такие строки: «Ведь хорошие и плохие люди жили на нашей планете всегда. Их образы не раз вводились в литературу. Классические примеры можно вспомнить много. Но все они: хорошие, плохие, средние — Отелло, Яго, Онегин, Печорин, Анна Каренина, Вронский, герой пьес Островского и т. д., и т. п. (?) — были людьми своей среды, своей эпохи. И не были они вообще дворянами, вообще купцами или вообще бесприданницами, а были яркими, типичными, глубоко индивидуальными характерами. Создание таких характеров, а не скучных схем, требует от нас метод социалистического реализма».

Перечислены под рубрикой «и т. д., и т. п.» разнообразные герои классической литературы. Объявлено, что они не были «вообще» дворянами и купцами. А в заключение сказано о требованиях метода социалистического реализма. Но ведь не методом социалистического реализма создавались эти вышеперечисленные образы! Зачем же так непосредственно и категорически «увязывать» требования социалистического реализма к героям классической литературы?

В. ДРУЗИН

Против смешения понятий

Еще раз о современных положительных героях и конфликтах

можно считать людьми без душевных изъянов.

Зачем же, протестуя против схемы, внушать попутно читателю мысль о нежелательности положительных героев, живущих и действующих без душевных изъянов, и в качестве особенно волнующих и запоминающихся образов прежде всего называть Григория Мелехова и Аксинью?

А разве нет в нашей современной советской действительности реальных конфликтов между новаторами и карьеристами, изобретателями и бюрократами?

Конечно, схематичность плоха. Конечно, надо бороться с упрощенной иллюстративностью. Но ведь упрощенное изображение тех противоречий, которые подобны противоречиям, раздиравшим мятущуюся душу Григория Мелехова, так же было бы неприемлемо для читателей у писателя-схематизатора, как у него же неприемлемо бывает изображение примитивно-монологичного героя.

Не надо путать схематичность изображения с изображением героев различного склада.

Советская литература дала яркие, полнокровные образы целостных, монологичных, героических характеров борцов за революцию, за дело коммунизма. Дала она также и впечатляющие, запоминающиеся образы людей противоречивых, заблуждавшихся, метавшихся в поисках нужных путей, порою находивших эти пути, а порою и нет. Немало создано советскими писателями и по-своему ярких образов отрицательных героев, вроде Победоносиковых и Грацианских.

Хотел этого или не хотел Л. Дмитерко, но весь ход его рассуждений о схематичности ведет к отрицанию подлинно целостного положительного героя и реальных конфликтов,

Правда, в «Заметках писателя» подробно перечисляются всевозможные признаки нашей современности, называются значительные явления социалистической действительности и писатели призываются запечатлеть эту действительность.

Остается неясным лишь одно: как эти новые черты нашей эпохи воплотить в образы, подобные рекомендуемым образам Онегина, Печорина, Анны Карениной, Григория Мелехова...

Так смешение понятий и игнорирование реальных свойств советской литературы и ее бесспорных творческих достижений препятствует Любомиру Дмитерко правильно решить поднятую тему «Современность — душа литературы».

Да и как он может говорить о воздействии современности на душу писателя, если присоединяется к наугад выхваченному из прошлого высказыванию И. С. Тургенева: «Истинно-драматические положения возникают не тогда, когда добродетельные люди борются со злыми, как в мелодраме, или когда люди страдают от внешних бедствий...».

Дальше Л. Дмитерко превращает в обязательную всеобщую догму весьма спорную мысль И. С. Тургенева: «Драматические положения возникают тогда, когда страдание неизбежно вытекает из характеров людей и их страстей».

Разумеется, никто не будет отрицать, что «драматические положения» возникают потому, что люди, имеющие характеры, действуют, переживают, предаются страстям... Но разве эти действия и переживания, всевозможные «страсти» (говоря языком Тургенева) не зависят от воздействия внешних условий, в том числе, опять-таки говоря языком Тургенева, «внешних бедствий»?

Разве формирование характеров и «страстей» у Григория Мелехова и Аксиньи не зависело от внешних условий, разве драматические перипетии их судеб вытекали только из их характеров, а сложные, захватившие их события первой мировой войны и войны гражданской были здесь ни при чем?

А судьбы и характеры сестер Даши и Катю в «Хождении по мукам»?

Нет, никак нельзя превращать в догму весьма субъективное высказывание И. С. Тургенева.

Л. Дмитерко пронизывает над мелко-травчатыми конфликтами, но не замечает, что опять смешивает понятия, опираясь, как ему кажется, на Тургенева и Шекспира. Можно, конечно, пронизывать над такими драматическими положениями, когда в романе, пьесе или фильме действие движет появление долгоносика на колхозных полях или грозы, угрожающей урожаю. Но здесь упоминание о «внешних бедствиях» не крупного масштаба ведет к признанию несущественности воздействия на самобытные характеры внешних условий. И если реально гроза угрожает урожаю, а долгоносик — колхозным полям, то разве это нельзя изобразить в современном художественном произведении? Разве в отношении различных людей и к этим внешним бедствиям не раскроются какие-то черты их характеров? Зачем же понадобилась здесь писателю эта сплошная уничтожающая ирония?

В известной дискуссии о так называемом «идеальном герое» некоторые ее участники, напав на понятие героя «идеального», действующего в духе пресловутых бесконфликтности и лакировки, договаривались до отрицания возможности создания героя положительного, с целостным характером, без душевных трещин и изломов. Эти попытки успеха не имели.

Думается, что не стоит Любомиру Дмитерко при помощи примеров, заимствованных из истории классической литературы, снова подвергать сомнению характерные черты литературы советской, накопившей уже большое количество творческих достижений.

Современность — душа литературы. Но понять эту душу можно, только правильно понимая и видя все реальные образы наших современников и подлинных конфликты, большие и малые, нашей эпохи.